

Быт и досуг жителей Владивостока в годы Гражданской войны (1918—1922)

Сергей Александрович Власов,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: vlasov54@bk.ru

В статье рассматривается повседневная жизнь жителей Владивостока во время Гражданской войны. Отмечено, что кризисные явления в сфере быта начались задолго до начала Гражданской войны, были связаны с вступлением России в Первую мировую войну, и существенно ухудшились с 1918 г. У жителей Владивостока начались серьезные проблемы с обеспечением топливом, продовольственными и промышленными товарами. Особенно трудно пришлось тем, кто не имел постоянной работы. Большой приток беженцев во Владивосток породил острый жилищный кризис. Скученность при расселении вновь прибывших, дефицит предметов личной гигиены и лекарств — всё это ухудшило санитарно-эпидемиологическую обстановку в городе и привело к росту заболеваний и угрозе эпидемий. Выявлено, что городские власти осуществляли меры по устранению кризисных явлений в повседневной жизни жителей Владивостока, в частности, были введены карточки по обеспечению горожан топливом, предпринимались усилия по борьбе с заразными заболеваниями. Повседневность в тех тяжёлых условиях состояла не только из забот, направленных на поддержание жизнедеятельности и физического выживания, но и сферы отдыха, досуга. Установлено, что горожане, располагая свободным временем, пытались по-разному его заполнить — общением с родными и друзьями, чтением книг, посещением культурно-развлекательных учреждений и увеселительных заведений. Формы проведения досуга отражали социальное положение, образовательный уровень людей, их материальный достаток, что сказывалось на предпочтениях в проведении свободного времени. Культурный досуг помогал многим переносить тяготы бытовой повседневности в те суровые годы.

Ключевые слова: бытовая повседневность, Гражданская война, обеспечение продовольствием топливом, жилищный кризис, борьба с заболеваниями, отдых, досуг, культура.

Life and leisure of Vladivostok residents during the Civil War (1918—1922).

Segrey Vlasov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: vlasov54@bkl.ru

The article deals with daily life of Vladivostok residents during the Civil War. It was noted that the crisis phenomena in the sphere of life began long before the Civil War, were associate with the entry of Russia into the First world war, and significantly deteriorate since 1918. Residents of Vladivostok began to have serious problems with the provision of fuel, food and industrial goods. It was especially difficult for those who did not have a permanent job. The large influx of refugees into Vladivostok has created an acute housing crisis. Overcrowding in the resettlement newcomers, lack of personal hygiene and medicines — all this worsened the sanitary and epidemiological situation in the city and led to an increase in disease and threat of epidemics. It was revealed that the city authorities took measures to eliminate the crises phenomena in the daily life of Vladivostok residents, in particular, cards were introduced to provide citizens with fuel, efforts were made to combat infectious diseases. Everyday life in those difficult conditions consisted not only of household chores aimed at maintaining life and physical survival, but also from the sphere of recreation and leisure. It is established that the citizens, having free time, tried to fill it in different ways-communication with family and friends, reading books, visiting cultural and entertainment institutions and entertainment facilities. Forms of leisure reflected the social status,

educational level of people, their material wealth, which affected the preferences in spending free time. Cultural leisure helped many to endure the hardships of everyday life in those harsh years.

Keywords: everyday life, Civil War, provisions of food and fuel, housing crisis, disease control, recreation, leisure, culture.

Актуальность статьи обусловлена тем, что в постсоветской отечественной историографии возрос интерес к исследованию микроистории — повседневной частной жизни человека, его индивидуального существования на фоне глобальных исторических процессов, что позволяет учёным получить данные, необходимые для воссоздания более полной, детальной, «живой картины» того или иного исторического периода. Свидетельством того, что в настоящее время повседневность в её различных аспектах достаточно активно изучается, является наличие нескольких десятков защищённых диссертаций, публикации монографий и статей. Представляется, что данная работа пополнит список исследований по этой теме.

При работе над статьей автор использовал архивные материалы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), опубликованные источники, в частности книгу Элеоноры Прей «Письма из Владивостока (1894—1930)», а также публикации различного характера (монографии, статьи), посвящённые этой теме.

Академик РАН Ю.А. Поляков писал — «...несмотря на то, что основные аспекты истории повседневности тесно взаимодействуют, порой переплетаются в одном комплексе, можно выделить несколько условных направлений, по которым целесообразно изучать эту проблему». К одному из них он относил бытовую повседневность, куда предлагал включать изучение таких аспектов «жизненных условий» как питание, жилищные условия, медицинское обслуживание, проблемы досуга — всё то, из чего складывается жизнь обычного человека вне сферы его производственной или служебной деятельности [7, с. 128—130].

Здесь важно подчеркнуть, что сама жизнедеятельность человека нуждается в удовлетворении потребностей в пище, жилье, отдыхе и сне. Значение питания, обеспеченности жильём, одеждой и предметами повседневного спроса для человека неоспоримо, потому что без перечисленного сама жизнь индивида оказывается под угрозой. В условиях обычной, мирной жизни все вышеупомянутые факторы важны с точки зрения их качественных характеристик, в условиях военного времени для гражданского населения актуальным становится само наличие пищи, жилища и одежды, поскольку их отсутствие может поставить под угрозу жизнь человека.

Для жителей Владивостока привычный, размеренный уклад повседневной жизни стал меняться задолго до революционных событий 1917 г., и развернувшейся затем Гражданской войны. Уже с начала Первой мировой войны жизнь в городе изменилась, её неотъемлемой чертой стала милитаризация, которая породила кризисные явления и тенденции, которые после 1917 г. становятся перманентными на протяжении последующих пяти лет. Обычные, «простые» бытовые нужды и способы их решения стали одной из главных проблем и забот горожан. Главной целью, которая незримо присутствовала в сознании людей того времени, было физическое выживание в условиях Гражданской войны.

Владивосток в силу своего географического положения и отдалённости от основных фронтов Гражданской войны не испытывал тех проблем с продовольствием, какие были в ряде городов Европейской России. Сюда регулярно поступал хлеб из Маньчжурии, мясо — из Монголии и Кореи, рыба — с Камчатки, Северного Сахалина и Охотского побережья. В окрестностях Владивостока китайцы выращивали овощи, которые продавали на рынках города. Нехватки продуктов не было, как и средств по их доставке. Голод не угрожал горожанам, для них продовольственный вопрос заключался

не в отсутствии продуктов, а в наличии средств для их приобретения. Горожан, имеющих работу, больше всего беспокоила инфляция и постоянный рост цен на продукты питания. В более сложном положении оказывались семьи тех, кто не имел работы или перебивался случайными заработками — безработные, вдовы, беженцы и т.п. Они влачили полугодное существование, чтобы избежать голодной смерти им приходилось прибегать к эпизодической трудовой деятельности, распродавать личные вещи, обращаться за помощью к родственникам.

Непростая социально-экономическая ситуация, сложившаяся во Владивостоке, накануне Гражданской войны (с 1914 г. город, как и вся Россия, жил в условиях военного времени) стала заметно ухудшаться с конца 1918 г., после того как вся Сибирь и Дальний Восток оказались под властью А.В. Колчака. Колчаковское правительство в экономической области продолжило курс, существовавший при царской власти, на неограниченную свободу рыночных отношений, что в условиях Гражданской войны привело к безудержному росту цен на продовольственные и промышленные товары, ухудшению жизни простых людей. Жители Владивостока испытывали нужду не только в продуктах питания, но и в других необходимых для поддержания жизнедеятельности предметах — топливе для обогрева жилищ, керосине, мыле, лекарствах и т.д. и т.п.

Беспорядочная эмиссия денежных знаков, практиковавшаяся колчаковским правительством, обострившаяся инфляция, отказ торговцев принимать белогвардейские деньги — всё это привело к тому, что плата за товары и услуги принималась преимущественно в иностранной валюте, распространению которой способствовала деятельность иностранных банков, открывших свои отделения в 1918—1919 гг. во Владивостоке: английский Гонконг-Шанхайский банк, американский Национал-Сити банк, Канадский государственный банк и другие. Иностранная валюта практически вытеснила колчаковские деньги из сферы обращения. Стоимость товаров, сбережения, кредиты и другие денежные операции осуществлялись в американских долларах, японских йенах или другой валюте. Поэтому даже те горожане, которые имели работу, но получали зарплату в рублях, испытывали проблемы с приобретением необходимых продовольственных и промышленных товаров. К тому же часто имели место задержки заработной платы. Известны факты, что учителям городских школ задерживали жалование по три—четыре месяца [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1149. Л. 2].

Существенное снижение качества жизни жителей Владивостока вынудило городскую власть предпринять меры по нормализации ситуации. В мае 1919 г. был создан Городской комитет по борьбе с дороговизной и спекуляцией. Гласными городской думы неоднократно обсуждался вопрос о введении продовольственных карточек, чтобы обеспечить рядовых жителей города хотя бы минимальным гарантированным продовольственным набором по твёрдым фиксированным ценам, поскольку из-за высоких цен на продовольствие, отказа торговцев принимать в качестве оплаты рубли многим горожанам продукты были не доступны, и они попросту голодали. В Городской думе велись дискуссии по следующим вопросам: выдавать карточки всем жителям города или только русскому населению, если русским, то учитывать при этом наличие или отсутствие работы; каковы должны быть фиксированные цены на продукты и что включать в этот список; в каких торговых точках вести продажу продуктов по карточкам, и т.п. [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1149. Л. 11, 30—37, 47, 56; Д. 931. Л. 55—59, 62—66, 223]. На одном из заседаний Городской продовольственной комиссии, сформированной для решения продовольственной проблемы в городе, было внесено предложение о введении карточек на основные продукты питания: хлеб, муку, мясо, жиры, сахар, крупы, при этом говорилось, что не следует запрещать свободную торговлю этими продуктами [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 916. Л. 11]. Было подсчитано, что для введения карточек потребуется не менее 500 тыс. руб. [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 916. Л. 47], таких денег в

городской казне не было. Анализ выявленных архивных документов не позволил до конца прояснить вопрос о том, были введены карточки или нет. Но сама постановка вопроса Городской думой о необходимости обеспечения жителей города продуктами питания свидетельствует о серьёзности продовольственной проблемы во Владивостоке.

Помимо вопросов по обеспечению населения Владивостока продовольствием Комитет по борьбе с дороговизной и спекуляцией пытался решить проблемы с топливом. Централизованного отопления в те годы не было, дома и отдельные квартиры обогревались печами, топливом для которых служили уголь и дрова. Несмотря на близость Сучанских угольных рудников поставки топлива оттуда были не регулярными. Частично уголь во Владивосток завозился с Северного Сахалина. Помимо этого, велись заготовки дров в окрестностях города. Но даже их доставка из ближайших к городу лесов проходила с проблемами, поскольку заготовители подвергались нападению грабителей, которые отбирали лошадей, заготовленные дрова и даже продовольствие, которое выдавалось рабочим [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 859. Л. 146—147].

Чтобы нормализовать обеспечение города топливом, избежать несчастных случаев в зимнее время (при отсутствии обогрева жилищ), по решению Городской думы были введены специальные карточки на топливо. Карточки составлялись на каждую квартиру исходя из данных, поданных домовладельцами. После этого сведения проходили проверку чиновниками из Городской управы, а уже затем выдавались карточки. К началу зимы 1919 г. было выписано 5995 карточек [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 916. Л. 43], владельцы которых могли приобрести топливо по умеренным ценам через Городскую управу, а не покупать его у коммерсантов по спекулятивным.

Гражданская война изменила привычный образ жизни, сорвала с насиженных мест сотни тысяч людей, многие из которых стремились вырваться из страны, охваченной смутой. Владивосток стал для них транзитным пунктом по перемещению в страны, где можно было переждать ужасы военного времени. Это привело к феноменальному росту населения города. Из-за постоянного потока беженцев население Владивостока увеличилось более чем в два раза. Если в 1917 г. здесь проживали 120 тыс. чел., то в 1919 г. — 180 тыс., а в 1921 г. — 250 тыс. чел. [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 729. Л. 3].

Многократный рост населения вынудил приспособить под жильё все, имеющиеся свободные помещения. Люди проживали в казармах и складах, перестроенных под жилые помещения, дачных домиках в пригороде Владивостока, железнодорожных вагонах и т.д. В городе началось стихийное строительство примитивного жилья на землях, которые приобретались путём «самозахвата», т.е. без разрешения городских властей. Подобное строительство велось по всему городу, но наиболее интенсивно на полуострове Голдобин. В протоколах заседания городской думы от 3 сентября 1919 г. отмечалось: «...Захваты приняли стихийный характер. Удовлетворить земельную нужду нет никакой возможности. Люди прибывают сюда тысячами, а участки ставятся на продажу сотнями» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 859. Л. 199]. Иначе говоря, желающих построить себе жилище было в несколько раз больше, чем количество предоставляемых земельных участков. Вполне очевидно, что в условиях жесточайшего жилищного кризиса сносить самовольно возведённые постройки власти города не собирались. Гласным городской думы приходилось лишь сожалеть, что городская казна теряла существенную часть доходов из-за несостоявшихся торгов земельными участками, а строительство велось без какого-либо архитектурного плана. К тому же построенные наспех домики не отвечали элементарным требованиям гигиены, и безопасности проживания в них.

Жилищно-коммунальное хозяйство города находилось в запущенном состоянии. Средств не хватало, чтобы содержать его в надлежащем виде. По данным на 1919 г. водоотводные каналы и стоки, мосты, лестницы, дороги, питьевые колодцы — всё это

находилось в полуразрушенном состоянии. В документах Городской Управы за 1919 г. содержится следующее изложение ситуации с городской коммунальной инфраструктурой. «Городские здания крайне запущены, основательного ремонта им не производилось давно, а ежегодно ограничивались подмазкой и побелкой и то не во всех помещениях. Дальнейшее замощение улиц давно приостановлено, а замощенные улицы много лет не ремонтировались... Базары запущены, площади не вымощены, улицы около базаров не все замощены, поэтому доступ во время дождя является вязким и грязным. Тротуары, лестницы, мосты и переезды давно не видали ремонта, погнили, провалились и не безопасны для движения» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 911. Л. 16]. Гласные городской думы на одном из заседаний в июле 1919 г. были вынуждены лишь констатировать, что положение удручающее, но средств для приведения городских путей сообщения и канализационных стоков в рабочее состояние в городской казне нет [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 909. Л. 2]. Среди первоочередных работ, которые надлежало осуществить в условиях, когда городская казна была пуста, был ремонт дороги на мукомольную мельницу и подъездов к железнодорожному товарному двору на Первой Речке. В документах Городской управы, относящихся к 1922 г., содержится печальная констатация факта, что «...город поставлен в такие условия, при которых дальнейшее развитие городского благоустройства затруднительно без финансовой помощи извне» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 729. Л. 23].

Запущенность коммунального хозяйства, скученность населения, отсутствие предметов личной гигиены и лекарств — всё это резко ухудшило санитарно-эпидемиологическую обстановку в городе. В условиях военного времени возник дефицит мыла и горячей воды, что не позволяло соблюдать элементарные правила гигиены — мыть руки перед едой, раз в неделю ходить в баню, стирать и менять белье. Беженцы, в большом количестве прибывающие во Владивосток, были в наибольшей степени подвержены угрозе заразиться опасным заболеванием и стать источником его распространения. Во Владивостоке постоянно существовала опасность возникновения эпидемий различного рода заболеваний (сыпной тиф, холера, чума). Носителями этих заразных болезней были в основном выходцы из Китая.

В ноябре 1918 г. во Владивостоке участились случаи заболевания сыпным тифом, а в феврале 1919 г. в городе началась эпидемия, от которой страдало не только гражданское население. В один из февральских дней 1919 г. сразу 142 военнослужащих Канадского экспедиционного корпуса заболели тифом. После чего Командование союзных войск запретило военнослужащим пользоваться трамваем и посещать места, где наблюдалось скопление людей, и солдаты рисковали, общаясь и соприкасаясь с местными жителями, заразиться тифом [4, с. 257]. В те дни Городская больница была переполнена, койко-мест не хватало, больных размещали на полу между кроватями, и в коридорах. Для приёма и лечения больных тифом по распоряжению Городской управы было решено использовать помещение одной из школ, отремонтировать сгоревшую казарму. Помимо этого, городские власти были вынуждены обратиться к генеральному консулу Японии с просьбой, оказать содействие в строительстве барака для приёма больных [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 882. Л. 12, 39, 71]. Предпринимаемые усилия дали результаты — с эпидемией удалось справиться, и в дальнейшем заболевание тифом находилось в допустимых пределах, не принимая характера эпидемии.

В августе 1919 г. во Владивостоке зафиксированы первые случаи заболевания холерой. В конце сентября число больных составило 42 чел. Учитывая угрозу возможной эпидемии и опасность этой болезни не только для жителей города, но и расквартированных воинских континентов, власти города обратились за помощью к командованию «союзнических войск». В помощи не отказали, и на борьбу с холерой было выделено 30 тыс. долларов [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 882. Л. 41, 58]. Кроме этого,

предоставлялись лекарства со склада медикаментов стационарной больницы Чехословацкого корпуса, куда в свою очередь они поступали из Японии и США [1, с. 129]. Благодаря принятым мерам эпидемию холеры в городе удалось предотвратить. По отчёту городского врачебно-санитарного бюро весной 1920 г. ни одного случая заболевания холерой во Владивостоке обнаружено не было [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 963. Л. 7].

Едва справившись с холерой, Владивосток подвергся новому испытанию. В апреле 1921 г. в городе зафиксированы случаи заболевания чумой. Как удалось установить, чума была занесена в город из Харбина китайцами, прибывающими во Владивосток по КВЖД. Для изыскания средств на борьбу с чумой население города и Приморской области облагалось налогом согласно постановлению от 22 апреля 1921 г. [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1037. Л. 47, 86]. Во Владивостоке был организован специальный противочумный отряд, открылась чумная больница. Одной из вынужденных мер по предотвращению эпидемии стало решение Городской думы не допускать китайцев в вагоны городского трамвая, поскольку именно они болели чумой [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 725. Л. 104]. Благодаря всем принятым мерам удалось предотвратить распространение болезни и не допустить эпидемии. Всего с апреля по июль 1921 г. от чумы в городе умерли 460 чел., из них 447 — китайцы, 13 — русские [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 725. Л. 146]. В дальнейшем случаи заболевания чумой не обнаруживались.

Ввиду того, что в годы Гражданской войны люди были вынуждены постоянно бороться за выживание любыми путями — происходила деградация психологии человека. В системе морально-нравственных координат человеческой личности возрастает роль насилия, оно становится неотъемлемым элементом жизни общества. В условиях военного времени всё это вело к криминализации общества, распространению противоправных методов решения насущных проблем повседневной жизни [3, с. 67].

Во Владивостоке самыми криминогенными районами были окраины — Первая Речка, Куперовская и Голубиная пади. По данным за 1921 г. на окраинах почти ежедневно происходили грабежи и убийства [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 508. Л. 1]. В окрестностях города действовали банды хунхузов, которые терроризировали местное население. Городские власти пытались организовать борьбу с хунхузами, но сил было явно недостаточно. Отряд, состоявший из 28 милиционеров, вооружённых всего тремя винтовками, не мог оказать сопротивления бандитам и обеспечить охрану имущества и личную безопасность граждан, проживавших в пригороде [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1024. Л. 124].

В самом городе одним из районов, где часто совершались преступления, был Семёновский базар. Там, в так называемых «харчёвках» (небольших торговых павильонах), распивали спиртные напитки, играли в карты, что притягивало туда «преступный элемент». В июне 1920 г. в одной из «харчёвок» было совершено убийство, а в сентябре 1921 г. среди бела дня ранен милиционер. Городская Управа неоднократно пыталась снести «харчёвки», но учитывая, что их держателям в виду квартирного кризиса некуда было податься, всякий раз откладывала выполнение собственных решений [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1016. Л. 25—26].

В экстремальных условиях Гражданской войны в силу тяжёлых обстоятельств часто закон нарушали люди, не склонные к противоправным действиям в обычных условиях мирного времени. Так, на железнодорожной станции Первая Речка в зимнее время хищения угля из вагонов принимали характер стихийного бедствия. Несмотря на охрану, вагоны опорожнялись на четверть, а иногда и на треть [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 916. Л. 44]. Оправдать мелких воришек могло лишь то, что из-за отсутствия топлива и средств на его покупку, их семьи могли попросту замерзнуть.

С приходом к власти в мае 1921 г. правительства братьев Меркуловых и ужесточения Гражданской войны, по отношению к нарушителям закона стали применять более строгие меры. 29 июня Временное Приамурское правительство приняло указ, согласно которому особо дерзкие преступления, связанные с посягательством на жизнь и имущество граждан, передавались военным судам и по законам военного времени рассматривались в ускоренном порядке без производства предварительного следствия [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1077. Л. 162].

Суровые будни Гражданской войны включали в себя не только погоню за продовольствием, борьбу за жилищное пространство и попытки выжить в условиях хаоса и развала привычного жизненного уклада. Повседневность, как сегодня, так и в тех тяжёлых условиях состояла не только из бытовых забот, но и сферы отдыха, досуга. Обыватели, простые граждане, располагая свободным временем, пытались по-разному его заполнить — общением с родными и знакомыми, чтением книг, посещением культурно-развлекательных учреждений и увеселительных заведений. Досуг отражал ценностные установки людей, их уровень образования, социальное положение, что сказывалось на вкусах и предпочтениях в проведении свободного времени.

В 1918—1922 гг. в городе находилось много военнотружущих — мужчин молодого и среднего возраста, что обусловило процветание учреждений развлекательного характера — баров, варьете и прочих увеселительных заведений кафе-шантанного типа. Во Владивостоке действовало 12 театральных площадок, среди них самыми посещаемыми были театр-ресторан городского сада «Тихий уголок», кабачки-театры «Аквариум», «Би-Ба-Бо» и «Таверна». Наибольшей популярностью пользовался театр «Золотой Рог», дававший спектакли на протяжении всего театрального сезона. Большую часть театральной публики составляли военные, что отражалось на репертуаре: в «Золотом Роге» преобладали салонные комедии и мелодрамы — жанры, наиболее популярные в среде военнотружущих [2, с. 71]. В отличие от «Золотого Рога» другие театры давали спектакли нерегулярно, наибольшее количество постановок приходилось на летнее время и на новогодние праздники. Как правило, театры-кабаре располагались в ресторанах, на выделенных специально для них небольших сценах. Здесь ставились небольшие, яркие, эмоциональные миниатюры, сольные номера певцов и музыкантов, сценки пародийного характера [5, с. 237—242].

Несмотря на военное время спрос на театральные представления, концерты был так велик, что существующих в городе театральных площадок не хватало, и для подобных мероприятий арендовали одно из лучших помещений города — актовый зал коммерческого училища. Бывало, что не менее 3—4 раз в неделю там проходили концерты, увеселительные балы и вечера для состоятельной публики [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 3. Д. 92. Л. 44].

Во Владивостоке в те годы в силу разных обстоятельств оказалось несколько музыкальных коллективов: Иркутский военно-симфонический оркестр, Чешский симфонический, укомплектованный музыкантами из военнопленных, следующих транзитом через Владивосток к себе на родину, и американский духовой из состава корпуса интервентов. Если Иркутский оркестр знакомил слушателей с отечественной музыкальной классикой, то чешский — с произведениями европейских и американских композиторов [6, с. 152—153].

Наибольшее впечатление на горожан, посещающих концерты, произвели чехословацкие музыканты. Жительница Владивостока американка Элеонора Прей в своих письмах родственникам писала: «...Это роскошь, о которой Владивосток не имеет права даже мечтать, ибо многие исполнители — из оперных театров Вены, Будапешта и Праги. ...Я никогда не слышала такой чудесной музыки и никогда не мечтала услышать» [8, с. 367—368].

Здесь необходимо отметить, что формы досуга конкретного человека зависели как от его культурно-образовательного уровня, так и от уровня доходов, наличия средств, которые можно было потратить не на еду, а на развлечения. Очевидно, что посещение концертов и театральных спектаклей было недоступно многим рядовым жителям Владивостока, даже, несмотря на наличие определённого культурного уровня и «тяги к прекрасному». Большинство образованных интеллигентных жителей города коротали вечера за чтением книг, для них чтение являлось, пожалуй, основным видом культурного досуга. Хотя и здесь сказывались реалии военного времени — не хватало средств на покупку новых книг, зимой и осенью по вечерам часто отключали электричество и т.д. Для тех, кто не мог покупать книги, была возможность посещать библиотеки города (всего их было пять). Согласно существующим правилам пользоваться книгами и журналами в читальных залах можно было бесплатно. Если читатель хотел взять книгу на дом, он обязан был внести денежный залог в двойном размере стоимости книги, но сумма залога не могла быть менее пяти рублей. На дом выдавалось не более двух книг научного или трёх книг беллетристического содержания [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 3. Д. 91. Л. 21]. Плата за книги, выданные на дом, взималась, поскольку часто бывали случаи, когда читатели не возвращали книги. При этом на базаре и у букинистов в продаже появлялись книги со штампами городской публичной библиотеки им. Н.В. Гоголя [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1 Д. 931. Л. 201].

Культурный досуг помогал многим переносить тяготы бытовой повседневности в те суровые годы. Его можно рассматривать, как один из способов релаксации и как возможность ухода от действительности хотя бы на некоторое время. В любом случае культура помогала выживать, не терять человеческий облик, выполняла роль своеобразного поплавка, не позволяющего сгинуть в пучине Гражданской войны.

Одним из самых популярных и массовых видов культурного досуга был кинематограф. Главной причиной его популярности среди широких слоёв горожан было то, что содержание фильмов отвечало запросам посетителей, отражало эстетические вкусы публики, её представления о жизни и морали. Во Владивостоке в годы Гражданской войны было несколько мест, где демонстрировались «движущиеся фотографии». Стоимость билетов была достаточно высокой, и в условиях военного времени, когда люди решали вопрос на что потратить деньги — на еду или развлечение, посещение «кинотеатра» для многих было недоступно. Поэтому иногда чтобы как-то отвлечь людей от насущных проблем, помочь пережить тяготы войны прибегали к «оригинальным» способам. Так, весной 1922 г. в Городскую думу командованием казачьих войск была подана записка следующего содержания. «Принимая во внимание огромную нужду казаков-беженцев, Совет съезда представителей казачьих войск обращается к Городской думе с просьбой сложить городской сбор с билетов на вход в кинематограф «Новый театр» при демонстрации картины «Интолеранс» в течение нескольких дней (пять—шесть) и этим дать возможность помочь большому числу страдальцев, перенесших все тяготы Великого Сибирского ледяного похода» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1075. Л. 10]. Иначе говоря, в особых случаях стоимость билетов для отдельных категорий жителей города была снижена, чтобы дать возможность разнообразить свой досуг и хотя бы изредка посещать культурные учреждения города.

Одним из самых распространённых и доступных видов досуга были прогулки в тёплое время года на свежем воздухе: в городском саду и по центральным городским улицам. Посещение городского сада было платным. Сад был сдан в аренду на три года (с 1 апреля 1919 г. по 1 апреля 1922 г.) предпринимателю Е.М. Долину, который согласно договору был обязан проводить регулярно уборку сада, обустраивать клумбы и садовые дорожки. Четыре раза в неделю в неделю: вторник, четверг, субботу и воскресенье в

саду играл оркестр. В договоре было записано, что за вход с публики взималась плата по доступным ценам [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 878. Л. 34—36].

Некоторые горожане проводили свободное время в летнее время на берегу моря. Американка Элеонора Прей, жившая во Владивостоке в то время, в одном из писем (от 10 августа 1922 г.) своим родственникам хвасталась «Купание здесь, в городе, просто великолепно — я хожу каждое утро и провожу в воде около часа... и это мне очень нравится» [8, с. 367—368].

На примере изучения быта и досуга жителей Владивостока в годы Гражданской войны можно сделать вывод о том, что тяжёлые условия жизни того времени приучили это и последующие поколения россиян к перманентным лишениям и жертвам на протяжении всей последующей истории (НЭП, сталинская индустриализация, Великая Отечественная война, послевоенный восстановительный период, «шоковая терапия» времен Б.Н. Ельцина). Терпение, которое было и является неотъемлемой частью характера русского человека, ещё более закалилось и укоренилось, вошло в кровь и плоть нашего народа, закрепились на "генном уровне" и передаётся из поколения в поколение, помогая жить сейчас и пережить возможные сложные времена в будущем.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Ваха Д. Бытовая повседневность Чехословацкого корпуса в 1917—1920 гг. // Известия лаборатории древних технологий. 2017. № 2 (23). С. 122—130.
2. Гамалей С.Ю. Особенности театрального дела Дальневосточного региона в условиях революционных событий 1917 г. и Гражданской войны // Система искусств в структуре культурного пространства: материалы науч.-практ. конф. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. С. 65—77.
3. Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: Материальное положение городских жителей в годы Гражданской войны (1917—1921 гг.). М.: РОССПЭН, 2007. 264 с.
4. Иситт Б. Из Виктории во Владивосток: Канадская Сибирская экспедиция: 1917—1919 гг. Владивосток: Дальнаука, 2013. 392 с.
5. Королева В.А. Музыкальная культура юга Дальнего Востока России 1917—1929 гг. Очерки истории: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1996. 355 с.
6. Матвейчук В.П. Оркестровая музыка во Владивостоке в 1917—1922 гг. // История культуры Дальнего Востока СССР XVII—XX веков. Советский период. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1991. С. 152—153.
7. Поляков Ю.А. Человек повседневности // Отечественная история. 2000. № 5. С. 125—132.
8. Прей Э. Письма из Владивостока (1894—1930). Владивосток: Прим. музей им. В.К. Арсеньева / Альманах «Рубеж», 2008. 448 с.
9. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Vaha D. Bitovaja povsednevnost Chehoslovackogo korpusa v 1917—1920 gg. [Everyday life of the Czechoslovak corps in 1917—1920]. *Izvestija laboratorii drevnih tehnologij*, 2017, no. 2 (23), pp. 122—130. (In Russ.)
2. Gamalej S.U. Osobennosti teatralnogo dela Dalnevostochnogo regiona v uslovijah revolucionnih sobitij 1917 g. i Grazhdanskoj vojni [Features of theatrical business of the far East region in the conditions of revolutionary events of 1917 and Civil war] *Sistema iskusstv v structure kulturnogo prostranstva: materialy nauch. prakt. konfer.* [The system of arts in the structure of cultural space]. Vladivostok: Izd-vo Dalnevostochn. un-ta, 2007, pp. 65-77. (In Russ.)

3. Iluhov A.A. *Zizn v epohu peremen: Materialnoe polozhenie gorodskih zitelej v godi Grazhdanskoj vojni (1917—1921 gg.)*. [Life in the era of changes: the Financial situation of urban residents during the Civil war (1917—1921)]. M.: ROSSPEN, 2007, 264 pp. (In Russ.)
4. Isitt B. *Iz Viktorii vo Vladivostok: Kanadskaja Sibirskaja ekspedicija: 1917—1919 gg.* [From Victoria to Vladivostok: the Canadian Siberian expedition: 1917—1919]. Vladivostok: Dalnauka, 2013, 392 pp. (In Russ.)
5. Koroleva V.A. *Muzikalnaja kultura juga Dalnego Vostoka Rossii 1917—1929 gg. Oчерki istorii*. Dis. kand. ist. nauk. [Musical culture of the South of the Russian Far East 1917—1929. Essays on history. PhD in History]. Vladivostok, 1996, 355 pp. (In Russ.)
6. Matvejchuk V.P. *Orkestruvaja muzika vo Vladivostoke v 1917—1922 gg.* [Orchestral music in Vladivostok in 1917—1922] *Istoriya kulturi Dalnego Vostoka SSSR XVII—XX vekov. Sovetskij period*. [History of culture of the Soviet Far East in XVII—XX centuries. Soviet period] Vladivostok: IIAE DVO RAN, 1991, pp. 152-153. (In Russ.)
7. Poljakov U.A. *Chelovek povsednevnosti* [Men of everyday life]. *Otechestvennaja istorija*, 2000, no. 5, pp. 125-132. (In Russ.)
8. Prej E. *Pisma iz Vlsdivostoka (1894—1930)*. [Letters from Vladivostok (1894—1930)]. Vladivostok: Prim. muzej im V.K. Arsenjeva / Almanah «Rubezh», 2008, 448 pp. (In Russ.)